

Карл Менгер

История теорий происхождения денег

(Приложение j из книги «Основания политической экономии»)

Библиотечка австрийской
экономической школы

Перевод с английского В. Зеленов

Одна проблема нашей науки более, чем любая другая, заботила великих мыслителей древности и огромное число их последователей — выдающихся ученых более позднего времени и вплоть до сегодняшнего дня — как объяснить тот странный факт, что ряд определенных благ (скажем, золото или серебро, а с развитием цивилизации — золотые или серебряные монеты) легко всеми принималась в обмен на любые другие блага; принимались даже теми, кто не имел в них прямой надобности или теми, чьи потребности уже были полностью удовлетворены.

Человеку даже самого заурядного ума понятно, что владелец блага отдает его в обмен на то, что он считает более для себя полезным. Однако тот факт, что все хозяйствующие субъекты всего общества готовы обменивать свои товары на маленькие металлические диски, которые обычно лишь немногие могут использовать напрямую, настолько противоречит привычному порядку вещей, что мы не

удивляемся, если такому блестящему мыслителю, как Ф.К. фон Савиньи этот факт тоже представляется «загадочным».

F.K. v. Savigny (*Das Obligationen recht als Theil des heutigen römischen Rechts*, Berlin, 1851–53, II, 406).

Таким образом, проблема которую должна решить наука – найти объяснение поведению, которое присуще *всем людям*, и мотивы которого очевидно не лежат на поверхности. Учитывая эти две особенности проблемы, легко понять, почему возникла идея приписать подобное поведение договоренности между людьми или выражению их коллективной воли (праву), особенно в отношении денег в виде монет.

Именно такую позицию занимали Платон и Аристотель. Платон называет деньги «знаками, служащие целям обмена»,

(*Republic*, II. 371; see B. Jowett, trans. & ed., *The Dialogues of Plato*, London, Oxford University Press, 1892, III, 52)

и Аристотель в приведенном отрывке говорит, что деньги возникли в результате соглашения — не по природе, а по закону.

(*Ethica Nicomachea*, т. 5, 1133A, 29–32)

Эту точку зрения он еще более отчетливо выражает в своей «Политике», где пишет, что «люди договорились применять в своих сделках друг с другом что-нибудь ... например железо, серебро и тому подобное», и предлагает эту мысль в качестве своего объяснения происхождения денег.

(i. 9. 1257a, 36–40).

Римский юрист Павел, чьи взгляды на происхождение денег представлены в Кодекс Юстиниана,

(L. 1. Dig. de contr. emt. 18, 1),

решает проблему так же, как это делали греческие философы. Он указывает на трудности, связанные с чистым бартером и высказывает мнение, что эти трудности были устранены посредством общественного учреждения (денег). Павел пишет: «Была выбрана такая субстанция, общественная оценка которой освобождала ее от колебаний других товаров, придавая ей, таким образом, всегда стабильную внешнюю (номинальную) ценность. Общество ставило знак (ее внешней ценности) на поверхность данной субстанции. Следовательно, меновая ценность устанавливалась не на основе ценности самой этой субстанции, а по ее номиналу. Таким образом, Павел также приписывает происхождение денег власти общества.

Наряду с только что описанными взглядами, также прослеживаются попытки мыслителей древности объяснить то особое положение, которое, благодаря своим свойствам, занимают драгоценные металлы по сравнению с остальными товарами. Аристотель указывает на то, с какой легкостью они поддаются обработке и транспортировке,

(Politics, i. 9. 1257a, 39–41)

а в другом месте — на относительную стабильность цен на них

(Ethica Nicomachea, v. 5. 1133b, 13–15).

Ксенофонт даже описывает широкий количественный диапазон, в пределах которого драгоценные металлы, серебро, главным образом, могут обмениваться на рынке. Он утверждает, что если продукты кузнецов или медников, вино или зерно попадают на рынок в необычно больших

количествах, то цены на них сильно падают, тогда как серебро, и в меньшей степени, золото всегда можно обменять по прибыльной цене.

Ways and Means: A Pamphlet of Revenues, in H.K. Dakyns, translator, *The Works of Xenophon*, London, Macmillan Co., 1892, II, 335–336

Плиний ранее уже отметил прочность и неразрушимость драгоценных металлов, в частности золота.

(The Natural History, translated by John Bostock and H.T. Riley, London: H.G. Bohn, 1857, VI, 96–97 and 111–112).

Филипп Лаббе бережно собрал чрезвычайно обширную коллекцию литературы средних веков и шестнадцатого века (*Bibliotheca nummaria, ex Theologis, Juris consultis, Medicis, ac Philologis concinnata, etc.*, Rouen, 1672). Коллекция Рене Буделя (*De monetis et re nummaria*, Cologne, 1591) и Маркуарда Фреше (*De re monetaria veterum Romanorum et hodierni apud Germanos Imperii*, Lyons, 1605), содержат заслуживающие внимания публикации этого периода (в том числе памфлеты Николая Оресмуса и Габриэль Биль). Некоторые из них Рошер обсуждал в своей *Grundlagen der Nationalökonomie* (Stuttgart, 1892, pp. 301–302, note 6) со всей научной тщательностью.

В этих трактатах затрагивались в первую очередь практические проблемы чеканки, особенно в связи с вопросом существования и пределов права князей на изменение металлического содержания монет и того, как сказываются эти изменения на общественном богатстве. Эта проблема приобрела большое значение ввиду частых злоупотреблений правительства в деле чеканки монет. В связи с этим ряд авторов воспользовались возможностью обсудить заодно и проблему происхождения денег, которую они пытаются решить, опираясь на выводы, сделанные мыслителями древности, и постоянно ссылаются на Аристотеля.

См. Nicolaus Oresmius (Nicole Oresme) (died 1383), *Tractatus de origine, natura, jure et mutationibus monetarum* (ed. with a translation by L. Wolowski, Paris, 1864, p. ix and p. xciv); Gabriel Biel (died 1495), *De monetarum potestate et utilitate libellus* (in Gaspar Antonius Thesaurus, *De mone tarum augmento variatione et diminutione*, Torino, 1609, p. 1, also in an English translation, *Treatise on the Power and Utility of Moneys*, translated and edited by R.B. Burke, Philadelphia, 1930, p. 19); Carolus Molinaeus, *De mutatione monetarum quaestiones duo* (in R. Budel, ed., *De monetis et re nummaria*, p. 485); Didacus Covarruvias, *Veterum numismatum collatio*, in *ibid.*, p. 648; Jacobus Menochius, *Consilium XLIX*, in *ibid.*, p. 705; René Budel, *De monetis et re nummaria*, in *ibid.*, p. 10; and Jehan de Malestroit, *Les Paradoxes*, written in 1566 (reprinted in L. Einaudi, editor, *Paradoxes inédits du seigneur de Malestroit*, Torino, 1937, p. 97).

Если просуммировать и обрисовать путь, по которому идут в своих исследованиях данные авторы, то начинают они всегда с описания трудностей в торговле, возникающих при прямом обмене. Далее они показывают, как можно снять эти трудности путем введения денег. По ходу аргументации они отмечают особое удобство драгоценных металлов для выполнения ими функции денег, и наконец, ссылаясь на Аристотеля, они приходят к выводу, что драгоценные металлы стали деньгами на основании закона, принятого людьми.

(Оресмиус говорит, что деньги это «инструмент, изобретенный искусственно», *op. cit.*, p. xliv; Биль говорит, что «либо в силу своей собственной природы или в результате человеческого замысла» *op. cit.*, p. 2; и Молинеус говорит, что «изобретение и учреждение денег ... происходит от закона наций» *op. cit.*, p. 486.)

Однако эти мыслители в вопросе происхождения денег дальше представлений древних продвинуться так и не смогли, несмотря на изрядные заслуги многих из них в противодействии злоупотреблениям князей в деле чеканки монет.

Ранние итальянские и английские мыслители не стали исключением. В сочинении 1588 года Бернардо Даванцати строго следует мнению Аристотеля и Павла и тоже приписывает происхождение денег к авторитету государства.

«Предоставлено законом», см. его *Lezione delle monete in Scittori classici Italiani di economia politica*, Milano, 1803–05, II, 24

Джеминьно Монтанари (ум. 1687), делает то же самое

(*Della moneta*, in *ibid.* III, 17, 32, and 118).

И Льюис Робертс, который в 1638 г., впервые опубликовал популярную у читателей книгу *The Merchants Map of Commerce*, отражающую экономические взгляды Англии семнадцатого века точнее, чем любая другая работа той эпохи, возводит происхождение денег к тому же источнику (см. стр. 15 третьего издания, Лондон, 1677).

Джон Ло, благодаря своему исследованию, посвященному происхождению денег, стоит особняком на фоне других теоретиков денежной теории первой половины восемнадцатого века. Его современник Бойзард все еще приписывал происхождение денег государственной власти, и Вобан,

(*Projet d'une dixme royale*, written 1707, republished in E. Daire [ed.], *Economistes financiers du XVIIIe siècle*, Paris, 1843, p. 51)

а также Пьер Буагильбер

(*Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent, et des tributs*, in *ibid.*, pp. 396–398)

ограничиваются тем, что лишь указывают на необходимость денег, как средства содействия коммерции. Ло наоборот, самым решительным образом отвергает договорную

теорию и отмечает, чего не делал ни один мыслитель до него, то особое положение, которое занимают драгоценные металлы среди других товаров. Он выводит происхождение денежных свойств драгоценных металлов из их особых свойств. Таким образом, именно он является основоположником правильной теории происхождения денег.

см. его *Money and Trade Considered*, London, 1720, pp. 4ff.; also his *Mémoire sur l'usage des monnaies*, written 1706–07, reprinted in Paul Harsin, ed., *John Law: Oeuvres complètes*, Paris, 1934, p. 167.

В своей оппозиции теории, гласящей, что происхождение денег восходит к договору между людьми, Антонио Джановези был последователем Ло.

Lezioni di economia civile, in *Scrittori classici Italiani di economia politica*, Milano, 1803–05, VIII, 291–313), and A.R.J. Turgot (*Réflexions sur la formation et la distribution des richesses*, written in 1766, and reprinted in G. Schelle, ed., *Oeuvres de Turgot*, Paris, 1913–23, II, 558–560.

Попытка Ло объяснить происхождение денежных свойств драгоценных металлов, исходя из их особенной природы, была подхвачена и превосходно воплощена в жизнь частично Чезаре Беккариа

(*Elementi di economia pubblica*, in *Scrittori classici Italiani di economia politica*, Milano, 1803–05, XIX, 10–18); Pietro Verri (*Meditazioni sulla economia politica*, in *ibid.*, XXII, 13–19; and *Sulle leggi vincolanti prince palmente nel commercio de 'grani riflessioni*, in *ibid.*, XXIII, 21);

Тюрго

(*op. cit.*, II, 558–560; and “*Deuxième lettre á l'abbé de Cicé*” in *ibid.*, I, 143ff.);

Адамом Смитом

(An Inquiry into the/ Nature and Causes of the Wealth of Nations, Modern Library Edition, New York, 1937, pp. 22–29);

и Й.Г.Бушем

J.G. Busch Abhandlung von dem Geldsumlauf, Hamburg, 1780, pp. 279ff

Среди недавних авторов, продолживших традицию, мы находим:

T.R. Malthus (Principles of Political Economy, Second edition, London, 1836, pp. 50–60); J.R. McCulloch (The Principles of Political Economy, Second edition, London, 1830, pp. 129–136); John Stuart Mill (Principles of Political Economy, Edited by Sir W.J. Ashley, London, 1909, pp. 483–488); Melchiorre Gioja (Nuovo prospetto delle scienze economiche, Milano, 1815, I, 118ff.); M.H. Baudrillart (Manuel d'économie politique, Fourth edition, Paris, 1878, pp. 252–262); Joseph Garnier (Traité d'économie politique, Seventh edition, Paris, 1873, pp. 309ff.); and two German economists, Ch. J. Kraus (Staatswirthschaft, Koenigsberg, 1808, I, 61ff.), and Aug. Fr. Lueder (National-Industrie und Staatswirthschaft, Berlin, 1800–04, I, 48ff.).

Другие немецкие экономисты в первых десятилетиях XIX века не проявили большого интереса к историческим исследованиям, проблема происхождения денег почти полностью игнорируется в работах Иоганна А. Оберндорфера, Карл Х.Л. Пелитца, Й.Ф.И. Лотца, Карл С. Захария, и Ф.Б.В. фон Германа. Такая ситуация сохранялась до тех пор, пока не возникла новая волна интереса к историческим исследованиям в области нашей науки, и вопрос о происхождении денег снова был поднят в работах

Карл Х. Рау, Иоганна Ф.Г. Ейселена, Вильгельм Рошера, Бруно Гильдебранда и Карл Кнейса, а также несколько ранее Карла Мурхарда.

Таким образом, опубликованные до настоящего времени монографии хоть и способствовали исследованию данной проблемы, но лишь в малой степени. Адам Мюллер обсуждает желание людей создать государство и считает, что драгоценные металлы есть причина этого союза, предлагая эту идею в качестве своей теории происхождения денег.

Versuche einer neuen Theorie des Geldes, Reprint Edition, Wien, 1922, pp. 78ff.

Йоханн Г, Хоффман

(Die Lehre vom Gelde, Berlin, 1838, p. 10)

приписывает происхождение денег опять-таки договору между людьми. Мишель Шевалье

(La monnaie, in Cours d'économie politique, Paris, 1866, III, 5)

делает тоже самое. Монография Самюэля Оппехайма Samuel

Die Natur des Geldes, (Mainz, 1855)

представляет больший интерес, хотя ее значение состоит не столько в каком-то особом взгляде на изначальное происхождения денег (стр. 4 и далее.), сколько в описании процесса, посредством которого товар, который становится средством обмена, утрачивает свои оригинальные товарные свойства и в конце концов становится просто знаком ценности. Хотя я должен решительно выразить свое несогласие с этим мнением, я, тем не менее, нахожу в аргументе Оппенгейма четко выраженную мысль (или, скорее, наблюдение), которая в достаточной мере объясняет, почему в трудах многих выдающихся экономистов мы столкнулись с этой ошибкой. Я имею в виду наблюдение, что свойство денег

быть промышленным металлом часто совершенно ускользает от внимания людей, размышляющих об экономике, ввиду гладкости работы нашего торгового механизма, и поэтому люди различают свойства денег лишь как средства обмена. Сила обычая настолько велика, что способность денежного металла продолжать выполнять эту функцию не подвергается сомнению, даже если люди и не знают о его свойствах промышленного металла. Это наблюдение вполне корректно. Но также совершенно очевидно, что способность материала служить в качестве денег, а также обычай, на котором основана эта способность, немедленно исчезнет, если исчезнут в результате какого-нибудь несчастного случая и свойства денег, как материала, применимого для промышленных целей. Я готов признать, что в условиях высокоразвитой торговли деньги рассматриваются многими экономистами только как знак. Но совершенно определенно, что эта иллюзия немедленно развеялась бы, если свойства монет, как мерных количеств промышленного сырья, были бы ими утеряны.